

«Отката к авторитаризму не будет»

Средство от застоя

— Но ведь действительно возникает странная ситуация: 20 лет спустя после начала перестройки сформировалась абсолютно диаметрально противоположная оценка и этого исторического события, и вашей роли в истории. На Западе вас боготворили и продолжают боготворить, а на родине вначале активно поддерживали, а теперь так же активно кланят.

— Почему кланят? Вот вы тоже стали жертвой распространенного мифа, о котором, кстати, меня часто спрашивают и на Западе. Задают тот же самый вопрос. Чтобы его снять, мы в прошлом году специально заказали в Институте социологии, которым руководит известный ученый Горшков, опрос общественного мнения. И выяснилось, что 31% респондентов высказались за то, что перестройку не надо было начинать. А 52% заявили, что надо было начинать. Деятельность же Горбачева оценили выше, чем саму перестройку. Но что самое интересное? Были заданы вопросы об отношении к выводу войск из Афганистана, реформированию партии, свободным выборам, гласности и к другим событиям перестройки. За их одобрение высказались от 60 до 90 процентов.

Надо ведь понимать, что, оценивая события прошлого в целом, люди не склонны разделять их на отдельные вехи и факты. И не задумываются о том, что основные проблемы стране принесла не перестройка, а последующие ельцинские радикальные реформы. Люди потеряли не только свою страну, но и сбережения, пенсии, зарплату, нормальную перспективу... Это стало настоящим шоком для миллионов людей. Но ведь эти беды принесла не перестройка. Она сама оборвалась по вине горе-реформаторов.

У нас, у перестроенчиков, была четкая стратегия — постепенное реформирование Союза, децентрализация Союза, сохранение его. И одновременно постепенное наращивание, создание инфраструктуры демократии, основ рыночной экономики, формирование законодательной базы, банковской системы, кооперативного движения. Плюрализм собственности... Мы предполагали двигаться в этом направлении 25–30 лет, без резких движений и социальных потрясений. Но Ельцин, работая со мной, одновременно за спиной тайно готовил Беловежские соглашения.

Короче говоря, он выбрал свой путь, пошел наговор и в результате мы оказались там, где оказались.

— То есть если бы вы повели себя с этой тройкой раскольниками более жестко, то вы бы сейчас могли иметь Союз суверенных государств?

— А что значит — жестко? Вот представьте себя на моем месте и скажите, как бы вы поступили?

— Ну, в общем, да... Брать их под стражу было бы, наверное, уже нереально...

— Вот-вот... Какой оставался вариант? Ивана Грозного? Петра Первого? Сталина? Или того же Брежневца, который мог сослать за политический анекдот, инкомисье...

— Но в результате получается, что и Советский Союз, и вы сами стали жертвой ваших же демократических реформ. Вашего либерализма.

— После того, как были обнаружены Беловежские соглашения, я публично выступил и заявил, что не могу три человека, собравшихся где-то там в лесу, принять решение о развале страны. Государства, на создание которого наши предки положили свои жизни. И я предложил, чтобы Верховные Советы республик рассмотрели проект Союзного Договора, внесли туда свои поправки, может быть, даже учли что-то из Беловежских соглашений... Но при этом не забывали о результатах всенародного референдума, на котором страна проголосовала за сохранение Союза.

Однако вместо этого на голосование было поставлено Беловежское соглашение, и тогда на Украине только три человека проголосовали против, в Белоруссии лишь один человек уклонился от голосования — это был Лукашенко, а в России три человека воздержались и три — против. Все остальные поддержали «на ура». Зюганов по просьбе Хасбулатова бегал и уговаривал поддержать беловежцев. Посмотрите телевизионные записи тех лет. Эфиры тогда были прямыми. История создавалась на глазах.

Эти Верховные Советы были только что избраны на свободных выборах, они должны были отражать реальное мнение народа. И получалось, что это я остаюсь в одиночестве, я ошибаюсь, а не они...

— Если следовать этой логике, получается, что народ оказался не готовым к свободе, которую вы ему предоставили. Не сумел ею распорядиться и отдал на откуп тем, кто был более предпримчив.

— В этом нет ничего удивительного. Возьмите любую страну, которая осуществляет транзит из одной общественно-политической системы в другую. Никогда нельзя сказать, что она готова. Происходит живой процесс со всеми его недостатками.

Но вместе с тем если вспомнить всю нашу предрестроенную ситуацию времен

Черненко, то, согласитесь, дальше уже терпеть было просто нельзя. И это понимала не только интеллигенция, что для нее естественно, но и весь народ. Это понимал Андропов, который поручил группе политиков с участием ученых проанализировать ситуацию, подготовить свои рекомендации по перспективам развития страны. Более сотни аналитических записок были подготовлены, и практически во всех рекомендовались активные перемены, переход к новым технологиям...

Короче говоря, на всех уровнях становилось очевидным, что так далеко жить нельзя. Богатейшая страна с уникальным народом, с потрясающей культурой, с мощнейшим потенциалом не может решить проблему зубного порошка, детских колготок, женских сапожек... Вспомните: за любые итальянские сапоги в очереди могли изувечить. Причем эти очереди еще надо было найти, потому что далеко не всегда и не везде могли появиться импортные сапожки. А все потому, что лишь 8–10% производственных фондов работали на удовлетворение потребностей населения, а все остальное работало на войну. Или, скажем помягче, на оборону.

Производительность в промышленности у нас была в три с половиной раза ниже, чем на Западе, в аграрном секторе — в пять раз. Качество продукции только в оборонном секторе могло конкурировать с западной продукцией. Расход ресурсов на единицу продукции — в полтора-два раза выше, чем в развитых странах. Страна да и общество просто на глазах деградировали. Застой... Тотальный контроль над прессой, над свободной мыслью, над передвижением... Поэтому лозунг «Так жить нельзя» стал более чем актуальным. И перестройку тогда поддержала страна, большинство населения.

— Про все слои говорить, наверное, все же не приходится. Каста чиновников явно не спешила перестраиваться хотя бы потому, что ей и так жилось неплохо. Она ведь не меняется при любых режимах — что до вас, что при вас, что ныне... Лишь адаптируется к новым правилам игры и тихонечко навязывает свои.

— Да, система действительно сопротивлялась отчаянно. Мы оказались в противостоянии со всей номенклатурой, сверху до низу. Я тогда много ездил по стране, встречался с людьми, телевидение это показывало в прямом эфире. И всюду видел: мало что меняется. Чиновники просто выжидают, их ничего, кроме собственного «корыта», не интересует. Так мы и пришли к январскому Пленуму ЦК, на котором открыто обо всем сказали: и о проблеме кадров, и о Политбюро, и об ответственности членов ЦК. Но без поддержки народа идти на политические реформы — это нонсенс. Поэтому мы и стали готовить XIX партийную конференцию, с которой и началась перестройка. Семь дней в открытом эфире перед всей страной, перед всем миром мы честно обсуждали все наши проблемы.

— Да, тогда это было зрелище, привлекательнее к экранам буквально всех. Нынешним сериалам такой рейтинг и не снился.

— Да что вы. Какие сериалы?! Театры в те вечера были пусты, потому что все сидели у телевизоров. И все видели, как принимались решения о необходимости перемен. Но потом ведь эти решения надо было претворять в жизнь. Тут-то и началось колоссальное сопротивление на всех уровнях: от Политбюро до самых отдаленных партийных ячеек. Партноменклатура оказалась не готовой к переменам и не выдержала испытание свободой.

— А народ выдержал? — А я считаю, что выдержал. Прошли свободные выборы, начались открытые дискуссии, появились новые лидеры...

Обратной дороги нет

— Вы неоднократно говорили о том, что у перестройки обратной дороги уже нет. Что ее главные достижения — свобода выборов, гласность, отсутствие монополии одной партии, рыночная экономика...

— Да, я неоднократно говорил, что возврата в прошлое больше не будет. Откаты возможны. Рецидивы авторитарного характера. Но авторитаризма не будет.

— Тем не менее давайте посмотрим, что происходит: опять монополия одной партии, опять контроль над прессой...

— Вот это все и есть откаты. Я согласен. Но все же если мы попробуем положить на чашу весов существующие недостатки и достижения, то перевесит позитив. Конечно, не надо закрывать глаза на просчеты, без них не обойдешься. Но и нельзя не констатировать, что возврат к прошлому уже невозможен.

— А вам не видится нечто общее в нынешней ситуации с ситуацией накануне перестройки? Тогда страна держалась на нефтяной игле и страхе. И теперь — нефтяная игла и возрождающийся страх. И враг: то внутренний, то внешний. То международный терроризм...

Михаил Сергеевич с дочерью Ириной.

«Оценивая события прошлого в целом, люди не склонны разделять их на отдельные вехи и факты. И не задумываются о том, что основные проблемы стране принесла не перестройка, а последующие ельцинские радикальные реформы»

Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна

— Если бы для этого еще не было реальных причин... Я теперь почти во всех своих выступлениях на Западе говорю: что же это вы на словах Россию поддерживаете, а на деле все время стремитесь, чтобы она была в полупридушенном состоянии. Они помнят, сколько раз за свою историю Россия поднималась с колен и превращалась в могучую державу, оказывала серьезное влияние на происходящее в мире.

Казалось бы: новый мировой порядок, глобальные вызовы, с которыми ни одно, даже самое мощное государство не в состоянии справиться, — самое время к объединению усилий. А что получается на деле? Америка начинает диктовать всему миру собственное понимание демократии. Европу они стали делить на старую и новую, расшатывая и противопоставляя. Россия их начинала волновать, потому что набирается сил. Их это не устраивает.

Они пытаются создать какую-то новую стену вокруг России — Украина, Прибалтика, Грузия... Своего рода санитарный кордон. Нынешние лидеры Грузии и Украины, которые еще надо заслужить право называться лидерами, идут на поводу у других, самостоятельно. Наскоки на Россию обостряют отношения. Но России не стоит поддаваться на провокации, помня, что люди хотят жить в спокойном мире.

— Вам не кажется, что Путин, в определенном смысле, повторяет вашу судьбу...

— Давайте не будем заниматься аналогиями.

— И тем не менее закончу свою мысль: его порывы, заявления, программы — они безусловно позитивны. Он пользуется искренней поддержкой подавляющего большинства населения, как это было у вас в пору. Однако все эти устремления начинают вязнуть где-то на уровне исполнения, они, по сути, игнорируются средним, да и высшим звеном. Любая реформа прокукует на месте, бюрократический аппарат разрастается, коррупция достигает немислимых масштабов...

— Все это есть. Я как человек, который пережил это все, говорю об этом открыто. Ну чего стоит только один закон о монетизации? Вся Россия взбурчалась, старики вышли на улицы. Закон, затрагивающий интересы миллионов, был подготовлен из рук вон плохо. Но он легко прошел в правительстве и Думе. Мало того, не смогли даже почитать пенсионеров правильно — на несколько миллионов ошиблись. Ну и скажите мне — на кого работает это правительство? В отставку его надо было отправлять. Оно и делу вредит, и президенту подставляет. А парламент, который штампует, не задумываясь, такие законы? Он в таком виде кому нужен?

Ситуацию выправили благодаря усилиям президента. Сейчас он обозначил национальные проекты и сосредоточил на них основные усилия, в том числе и свои собственные. Потому что понял цену этого правительства и своей Администрации.

Я так думаю, что у него просто времени не было на переаттестацию кадров. Надо решать практические вопросы, затрагивающие всех и вся. И он их решает. На это уходит много времени. По сути дела, он и организовал жесткий контроль над реализацией этих приоритетов. Но ведь это ненормальная ситуация: чиновники в два раза больше, чем в Советском Союзе. А президент должен вникать во все, буквально в мелочи. Отсюда и происходят некоторые авторитарные действия, которые пресса интерпретирует как движение в сторону создания авторитарного режима.

Но ведь даже в самых продвинутых демократических странах бывают ситуации, когда возникает необходимость в авторитарных действиях. А ведь у нас — в переходный период — это просто не избежать. Но у меня глубокое убеждение, что у президента нет цели создания авторитарного режима.

— С другой стороны, налицо и чрезмерно либеральное отношение к соратникам, которые либо невольны, либо сознательно заваливают свои участки, проваливают реформы, подставляют... А он их щадит, не отправляет в отставку, не меняет на более профессиональных, как этого не делали и вы. Финал, что называется, известен.

— Есть другой подход: Борис Ельцин не щадил. Он менял правительства, менял как перчатки премьеров. И что от этого? Страна выиграла? Или экономика пошла на подъем? В итоге получился хаос.

Вы знаете, что на протяжении всей истории нас преследуют две крайности в подходах к решению проблем? Одни твердили: все решит государство и тотальный контроль, и так поступали. Другие — все решит рынок и полная свобода. Ни то ни другое к добру не привело. А среднюю линию провести очень трудно. Вместе с тем лишь эта средняя линия и может стать опорой для крепкого, успешного и свободного государства.

— У вас колоссальный политический и государственный опыт, множество серьезных связей, широчайшие знания... Сегодня у нас в стране это хоть как-то востребовано? Власть проявляет хоть малейший интерес к тому, над чем вы работаете?

— В нашем Фонде действительно происходит много очень интересных мероприятий, конференций, дискуссий. Двери Фонда открыты для любых плодотворных контактов, и у нас нет проблем с властными структурами. Мало того, мы направляем, в том числе и в правительство, свои аналитические записки по различным актуальным вопросам.

— А реакция какая?

— Спасибо говорят. Помощники.

— Как часто вам удается общаться с президентом Путиным?

— Удается. По мере необходимости. Но я считаю, что у нас существует взаимопо-

— Если бы для этого еще не было реальных причин... Я теперь почти во всех своих выступлениях на Западе говорю: что же это вы на словах Россию поддерживаете, а на деле все время стремитесь, чтобы она была в полупридушенном состоянии. Они помнят, сколько раз за свою историю Россия поднималась с колен и превращалась в могучую державу, оказывала серьезное влияние на происходящее в мире.

Казалось бы: новый мировой порядок, глобальные вызовы, с которыми ни одно, даже самое мощное государство не в состоянии справиться, — самое время к объединению усилий. А что получается на деле? Америка начинает диктовать всему миру собственное понимание демократии. Европу они стали делить на старую и новую, расшатывая и противопоставляя. Россия их начинала волновать, потому что набирается сил. Их это не устраивает.

Они пытаются создать какую-то новую стену вокруг России — Украина, Прибалтика, Грузия... Своего рода санитарный кордон. Нынешние лидеры Грузии и Украины, которые еще надо заслужить право называться лидерами, идут на поводу у других, самостоятельно. Наскоки на Россию обостряют отношения. Но России не стоит поддаваться на провокации, помня, что люди хотят жить в спокойном мире.

— Вам не кажется, что Путин, в определенном смысле, повторяет вашу судьбу...

— Давайте не будем заниматься аналогиями.

— И тем не менее закончу свою мысль: его порывы, заявления, программы — они безусловно позитивны. Он пользуется искренней поддержкой подавляющего большинства населения, как это было у вас в пору. Однако все эти устремления начинают вязнуть где-то на уровне исполнения, они, по сути, игнорируются средним, да и высшим звеном. Любая реформа прокукует на месте, бюрократический аппарат разрастается, коррупция достигает немислимых масштабов...

— Все это есть. Я как человек, который пережил это все, говорю об этом открыто. Ну чего стоит только один закон о монетизации? Вся Россия взбурчалась, старики вышли на улицы. Закон, затрагивающий интересы миллионов, был подготовлен из рук вон плохо. Но он легко прошел в правительстве и Думе. Мало того, не смогли даже почитать пенсионеров правильно — на несколько миллионов ошиблись. Ну и скажите мне — на кого работает это правительство? В отставку его надо было отправлять. Оно и делу вредит, и президенту подставляет. А парламент, который штампует, не задумываясь, такие законы? Он в таком виде кому нужен?

Ситуацию выправили благодаря усилиям президента. Сейчас он обозначил национальные проекты и сосредоточил на них основные усилия, в том числе и свои собственные. Потому что понял цену этого правительства и своей Администрации.

Я так думаю, что у него просто времени не было на переаттестацию кадров. Надо решать практические вопросы, затрагивающие всех и вся. И он их решает. На это уходит много времени. По сути дела, он и организовал жесткий контроль над реализацией этих приоритетов. Но ведь это ненормальная ситуация: чиновники в два раза больше, чем в Советском Союзе. А президент должен вникать во все, буквально в мелочи. Отсюда и происходят некоторые авторитарные действия, которые пресса интерпретирует как движение в сторону создания авторитарного режима.

Но ведь даже в самых продвинутых демократических странах бывают ситуации, когда возникает необходимость в авторитарных действиях. А ведь у нас — в переходный период — это просто не избежать. Но у меня глубокое убеждение, что у президента нет цели создания авторитарного режима.

— С другой стороны, налицо и чрезмерно либеральное отношение к соратникам, которые либо невольны, либо сознательно заваливают свои участки, проваливают реформы, подставляют... А он их щадит, не отправляет в отставку, не меняет на более профессиональных, как этого не делали и вы. Финал, что называется, известен.

— Есть другой подход: Борис Ельцин не щадил. Он менял правительства, менял как перчатки премьеров. И что от этого? Страна выиграла? Или экономика пошла на подъем? В итоге получился хаос.

Вы знаете, что на протяжении всей истории нас преследуют две крайности в подходах к решению проблем? Одни твердили: все решит государство и тотальный контроль, и так поступали. Другие — все решит рынок и полная свобода. Ни то ни другое к добру не привело. А среднюю линию провести очень трудно. Вместе с тем лишь эта средняя линия и может стать опорой для крепкого, успешного и свободного государства.

— У вас колоссальный политический и государственный опыт, множество серьезных связей, широчайшие знания... Сегодня у нас в стране это хоть как-то востребовано? Власть проявляет хоть малейший интерес к тому, над чем вы работаете?

— В нашем Фонде действительно происходит много очень интересных мероприятий, конференций, дискуссий. Двери Фонда открыты для любых плодотворных контактов, и у нас нет проблем с властными структурами. Мало того, мы направляем, в том числе и в правительство, свои аналитические записки по различным актуальным вопросам.

— А реакция какая?

— Спасибо говорят. Помощники.

— Как часто вам удается общаться с президентом Путиным?

— Удается. По мере необходимости. Но я считаю, что у нас существует взаимопо-

— Если бы для этого еще не было реальных причин... Я теперь почти во всех своих выступлениях на Западе говорю: что же это вы на словах Россию поддерживаете, а на деле все время стремитесь, чтобы она была в полупридушенном состоянии. Они помнят, сколько раз за свою историю Россия поднималась с колен и превращалась в могучую державу, оказывала серьезное влияние на происходящее в мире.

Казалось бы: новый мировой порядок, глобальные вызовы, с которыми ни одно, даже самое мощное государство не в состоянии справиться, — самое время к объединению усилий. А что получается на деле? Америка начинает диктовать всему миру собственное понимание демократии. Европу они стали делить на старую и новую, расшатывая и противопоставляя. Россия их начинала волновать, потому что набирается сил. Их это не устраивает.

Они пытаются создать какую-то новую стену вокруг России — Украина, Прибалтика, Грузия... Своего рода санитарный кордон. Нынешние лидеры Грузии и Украины, которые еще надо заслужить право называться лидерами, идут на поводу у других, самостоятельно. Наскоки на Россию обостряют отношения. Но России не стоит поддаваться на провокации, помня, что люди хотят жить в спокойном мире.

— Вам не кажется, что Путин, в определенном смысле, повторяет вашу судьбу...

— Давайте не будем заниматься аналогиями.

— И тем не менее закончу свою мысль: его порывы, заявления, программы — они безусловно позитивны. Он пользуется искренней поддержкой подавляющего большинства населения, как это было у вас в пору. Однако все эти устремления начинают вязнуть где-то на уровне исполнения, они, по сути, игнорируются средним, да и высшим звеном. Любая реформа прокукует на месте, бюрократический аппарат разрастается, коррупция достигает немислимых масштабов...

— Все это есть. Я как человек, который пережил это все, говорю об этом открыто. Ну чего стоит только один закон о монетизации? Вся Россия взбурчалась, старики вышли на улицы. Закон, затрагивающий интересы миллионов, был подготовлен из рук вон плохо. Но он легко прошел в правительстве и Думе. Мало того, не смогли даже почитать пенсионеров правильно — на несколько миллионов ошиблись. Ну и скажите мне — на кого работает это правительство? В отставку его надо было отправлять. Оно и делу вредит, и президенту подставляет. А парламент, который штампует, не задумываясь, такие законы? Он в таком виде кому нужен?

Ситуацию выправили благодаря усилиям президента. Сейчас он обозначил национальные проекты и сосредоточил на них основные усилия, в том числе и свои собственные. Потому что понял цену этого правительства и своей Администрации.

Я так думаю, что у него просто времени не было на переаттестацию кадров. Надо решать практические вопросы, затрагивающие всех и вся. И он их решает. На это уходит много времени. По сути дела, он и организовал жесткий контроль над реализацией этих приоритетов. Но ведь это ненормальная ситуация: чиновники в два раза больше, чем в Советском Союзе. А президент должен вникать во все, буквально в мелочи. Отсюда и происходят некоторые авторитарные действия, которые пресса интерпретирует как движение в сторону создания авторитарного режима.

Но ведь даже в самых продвинутых демократических странах бывают ситуации, когда возникает необходимость в авторитарных действиях. А ведь у нас — в переходный период — это просто не избежать. Но у меня глубокое убеждение, что у президента нет цели создания авторитарного режима.

— С другой стороны, налицо и чрезмерно либеральное отношение к соратникам, которые либо невольны, либо сознательно заваливают свои участки, проваливают реформы, подставляют... А он их щадит, не отправляет в отставку, не меняет на более профессиональных, как этого не делали и вы. Финал, что называется, известен.

— Есть другой подход: Борис Ельцин не щадил. Он менял правительства, менял как перчатки премьеров. И что от этого? Страна выиграла? Или экономика пошла на подъем? В итоге получился хаос.

Вы знаете, что на протяжении всей истории нас преследуют две крайности в подходах к решению проблем? Одни твердили: все решит государство и тотальный контроль, и так поступали. Другие — все решит рынок и полная свобода. Ни то ни другое к добру не привело. А среднюю линию провести очень трудно. Вместе с тем лишь эта средняя линия и может стать опорой для крепкого, успешного и свободного государства.

— У вас колоссальный политический и государственный опыт, множество серьезных связей, широчайшие знания... Сегодня у нас в стране это хоть как-то востребовано? Власть проявляет хоть малейший интерес к тому, над чем вы работаете?

— В нашем Фонде действительно происходит много очень интересных мероприятий, конференций, дискуссий. Двери Фонда открыты для любых плодотворных контактов, и у нас нет проблем с властными структурами. Мало того, мы направляем, в том числе и в правительство, свои аналитические записки по различным актуальным вопросам.

— А реакция какая?

— Спасибо говорят. Помощники.

— Как часто вам удается общаться с президентом Путиным?

— Удается. По мере необходимости. Но я считаю, что у нас существует взаимопо-

строительство в Петербурге Детского гематологического центра имени Раисы Максимовны.

— В каком состоянии находится сегодня это строительство?

— Здание построено, осуществляются санитарно-технические работы, идет отделка. Ведутся переговоры по оборудованию, оно-то ведь — самая главная ценность. Если на строительство ушло где-то порядка двух миллионов долларов, то на оборудование требуется не меньше десяти-двадцати миллионов. А потом надо будет еще миллиона на два-три создать запас лекарств. Очень дорогое это дело — спасать детишек. Но оно того стоит. И нам, что очень важно, многие помогают: наше правительство выделило средства, Германия провела благотворительный марафон, голландцы узнали о стройке, тоже выразили готовность поставить часть оборудования. Англичане откликнулись, американцы...

Очень серьезный будет комплекс, и что очень важно — лечение там будет бесплатным. Мы ради этого свернули многие программы нашего Фонда, чтобы сосредоточиться на завершении строительства. И есть все шансы, что до конца года центр сумеем открыть.

— Как же вы при этом еще успеваете руководить Зеленым Крестом?

— Да, там большая работа. 32 страны представлены в нем, ведутся серьезные проекты по проблемам питьевой воды, по ликвидации последствий «холодной войны», ликвидации химического оружия... Многие нас поддерживают. К работе МЗК в последнее время проявляется интерес со стороны КНР.

— А российские власти? Они замечают ваши усилия или ведут себя, как и предыдущие?

— Не просто замечают, а всегда помогают. И это очень важно, потому что эффективность работы благодаря этому значительно возрастает. А еще недавно просекали наши малейшие контакты. Задача у них была одна — заставить мир забыть о перестройке и ее инициаторах.

— Но, судя по тому количеству поздравлений, которые приходят в ваш адрес, по числу приглашений, — это не удалось. Да и вашей энергии можно позавидовать. Прекрасно выглядите, все время лаете, ведете множество дел... Впрочем, Владимир Этуш, которому за 80 и который по-прежнему элегантен и остроумен, обычно говорит, что все, кому меньше 80-ти, — мальчишки. Наверное, в этом и кроется секрет вашей неутомимости?

— Да нет, все значительно проще. Я оптимист по характеру. Иногда это просто спасение. Но мне повезло с корнями, я родителям своим благодарен, деду — крепкие были люди. И мне эта крепость перешлась. Так что нужно благодарить природу. Но еще и юмор, конечно, поддерживает. Как и Этуша. Прекрасный, между прочим, человек и актер, я его очень уважаю.

— А в театрах, в кино успеваете быть?

— Редко. Раньше мне Раиса Максимовна культпоходы устраивала, а сейчас как-то не получается. Но иногда Ирина, дочь, со своими друзьями меня на премьеры выводит. Смотрим, обсуждаем, спорим. Любим быть в «Современнике», во МХАТе, в Вахтанговском театре. Недавно смотрели «Современник» Игоря Кваша в роли Сталина. Сильная вещь. Причем обратите внимание: тема Сталина стала звучать повсюду — в театре, в кино, в прессе, памятные воссоздания... В чем дело? Мы хотим ренессанса? Возврата в прошлое? Или еще говорят: «тоска по сильной руке». А кто тоскует? Я не тоскую, вы не тоскуете. А вот если она шарахнет по тем, кто тоскует... Я-то знаю, что делал этот человек. Я видел много бумаг, которые он лично подписывал. Пацками! Выдающихся людей истребляли. Миллион расстреляли и два миллиона сидели в лагерях. И это еще не все...

А что касается походов в кино, то новые фильмы я смотрю на ТВ. Делаю это регулярно. Я в добром контакте с друзьями Ирины: все они интересные люди, толковые, успешные, умные, широко образованные. С ними и попеть можно в удовольствие, и поговорить. И что приятно: никто на ревматизм да на суставы не жалуется. Так что — какие наши годы!

Какие наши годы

— Где вы планируете отмечать свой юбилей?

— В Москве, в обычном ресторане среди родных и друзей.

— Ельцина с юбилеем поздравили?

— Собирались. Подумал: политика политической, а человеческие отношения должны быть выше этого. Но тут показали фильм о нем, и он там опять такое про меня несет, что просто неприятно стало. Ну, сколько, думаю, можно врать. Зачем это все? Короче, махнул рукой и забыл.

— В организации благотворительного концерта в вашу честь вы принимали участие?

— Да ну, что вы. Я вдруг совершенно случайно узнал о том, что мои друзья его готовят, а средства хотят перечислить на

Поздравляем

Борис НЕМЦОВ, член политсовета СПС:

— Желаю Михаилу Сергеевичу здоровья, ясности мысли, веры в себя и своих близких. Я, безусловно, считаю его историческим человеком и лично благодарен ему за то, что он дал нам возможность критиковать власть и говорить то, что мы думаем. Жалко, что у него не все вышло из того, что он хотел сделать. Но теперь есть над чем работать нам и нашим детям.

Владимир РЫЖКОВ, депутат Госдумы:

— Михаил Сергеевич, вы — один из выдающихся наших соотечественников. Вы дали свободу сотням миллионов людей. Или, по крайней мере, дали на нее шанс. Благодаря вам десятки стран освободились от политического рабства. Вы избавили мир от угрозы ядерной войны. С вашим именем и политикой связан новый дух времени, ощущение открытости, терпимости, гуманизма. Вы изменили мир, Европу, Россию. Пусть недоброжелатели вспоминают ваши ошибки. Все это чепуха. В истории вы навсегда останетесь как великий реформатор и демократ. От всей души вас поздравляю. Россия всегда будет вам признательна и всегда будет вами гордиться.

Галина ПОЛЬСКИХ, актриса:

— Я с большим уважением отношусь к Михаилу Сергеевичу как к самому просвещенному и прогрессивному политику России. Он очень много сделал для страны, дав ей самое главное — свободу! В день рождения хотелось бы пожелать ему оставаться таким же красивым и обаятельным человеком, каким мы помним его в годы президентства. Михаил Сергеевич, мы все вас очень любим! Не только в России, но и за рубежом. Здоровья и всех благ вам и всей вашей семье!

Андрей МАКАРЕВИЧ, музыкант:

— Когда-нибудь мы будем жить в благодарной стране. Когда-нибудь мы или наши дети скажем спасибо Михаилу Сергеевичу за то, что благодаря ему мы впервые смогли вздохнуть свободно, и мир с удивлением посмотрел на нас, новых и неопытных. Свободу эту я не променяю ни на что: ни на тотальную стабильность, ни на животную сытость, ни на что другое. Поэтому я говорю спасибо Михаилу Сергеевичу уже сейчас. С днем рождения, Михаил Сергеевич!

Редакция газеты «Новые Известия» поздравляет Михаила Сергеевича с днем рождения и желает ему долгих, активных, ярких лет жизни на благо нашего Отечества, которому он себя посвятил. И для которого так много сделал. Счастья вам, Михаил Сергеевич, и здоровья!